

В
4-349

А. ЧЕГЛОК

ПО АВСТРАЛИИ

РАССКАЗЫ ИЗ ЖИЗНИ ЖИВОТНЫХ

КУЗУ

ИЗД-ВО „ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА“ МОСКВА-1925-ЛЕНИНГРАД

Пров. 1969

рис

4-349

КУЗУ

или австралийский опоссум.

47872

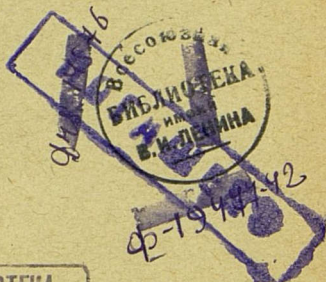
1957-58 г.

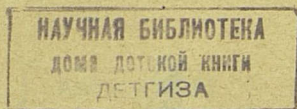

Главлит № 25.883.

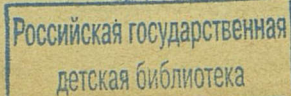
Тираж 5.000 экз.

Б+599

668841 КХ-рег.

мфк
4-349

Кузу

или австралийский опоссум

Я шел по улицам Мельбурна—этого огромного купеческого города австралийцев, составляющего их гордость.

— Наш Мельбурн, это — тот же Нью-Йорк,—говорили они мне.

— Посмотрите, какие у нас здания, дома, какие роскошные магазины!

И я действительно увидел нечто вроде американских небоскребов ¹⁾ в 8—10 этажей, изобилие всяческих ненужных дорогих вещей, выставленных в окнах магазинов.

Короче сказать, я увидел, что города Австралии стремятся подражать городам Америки.

¹⁾ Так русские называют американские дома в 20—30 этажей.

Мои предположения еще более подтвердились, когда я проходил по улицам после 4 часов дня. Улицы вдруг стали пустынные. Большинство служащих окончило свои занятия и поспешило покинуть город.

Австралийцы переняли у англичан привычку смотреть на города, как на места, где работают в учреждениях, где совершаются дела; для личной жизни они выбирают пригороды, где воздух чище и где можно отдохнуть от шума и сутолоки.

После 4 часов улицы наполовину опустели и на них появились мальчики с газетами и взрослые в старых изношенных костюмах...

Это была новая декорация, которая совсем не подходила к богатым домам и роскошным магазинам. Зачем здесь эти бедно одетые люди? Кажется, раньше их не было! Разве эти улицы, магазины для них?

Им бы следовало прежде всего одеться получше, а может быть, сначала поесть хорошенько, чем ходить среди этой выставленной напоказ роскоши в таком жалком виде.

— Да, австралийцы правы, — подумал я, — у них совсем, как в Европе и Америке. Рядом с роскошью — нищета. Обилие тканей, обилие пищи, но все это за стеклом, хотя и тонким, но так же недоступно для бедняков, как если бы эта пища и одежда были за далекими морями.

— Да, да, совсем, как в Европе, — подумал я, отказавшись купить у мальчика газету и вызвав этим у него на лице неподдельное огорчение.

Чтобы не заставлять газетчиков напрасно подбегать ко мне, я развернул газету и начал проглядывать ее.

— А ваши ботинки следовало бы почистить, — раздалась вдруг возле меня русская речь.

Я остановился. Возле меня, приподняв шляпу, стоял молодой мужчина с ящиком для чистки сапог.

— Сделайте одолжение, — ответил я и поставил свою ногу на ящик.

Мой соотечественник неторопливо достал мазь, щеточки и принялся за чистку моих ботинок.

Меня поразили его пронизательные, умные глаза. Он был совсем молодой, лет двадцати пяти. — Что это за человек? Почему он выбрал себе такое занятие?

— Я очень рад, что встретился с вами, — сказал я. — Здесь, кажется, мало русских.

— Есть немного, но и те не хотят, чтобы их считали за русских, — ответил он.

— Почему? — удивился я.

— Австралийцы не любят русских. Да и вообще русские скрывают за границей свое происхождение.

— Как так? — воскликнул я, чувствуя справедливость сказанного.

— Почти каждый из нас хочет быть англичанином. Я очень удивился, когда увидел вас в русской рубашке и штанах... Что, думаю, за чужак? Неужели он не боится, что его засмеют тут? Верно, недавно приехал — дай, подойду к нему.

— А если бы я давно жил здесь, то вы не подошли бы ко мне? — спросил я.

— Нет! — Я к своим русским не подхожу теперь; они мне никогда не дают работы.

— Ну, что вы говорите?

— Да верно же. Я чищу всякие ноги, только не русские! Меня мои соотечественники избегают, стыдятся за меня.

— Почему?

— Э, много есть причин, а главная из них—мое занятие,—ответил он.

Мне неловко было расспрашивать его дальше, тем более, что ботинки были вычищены.

Я достал из кармана шиллинг (50 коп.) и дал ему в надежде, что он возьмет его; но он, поблагодарив меня, достал медяки и, удержав для себя 2 пенни (8 коп.), дал мне сдачи.

— О, я сдачи не беру,—попробовал было я отказаться.

— Нет, платить по шиллингу за чистку сапог невозможно,—сказал он очень серьезно.

— Послушайте, мне бы не хотелось, чтобы наше знакомство ограничилось лишь чисткой ботинок. Я так давно не видел русских и не говорил по-русски, что мне очень

бы хотелось поболтать с вами немного,—сказал я.

— Что же, я с удовольствием проведу с вами часок. Пойдемте в этот сад,—предложил он мне.

— Но ведь это выйдет совсем по-русски. Из-за меня вы бросите свою работу.

— Теперь никого нет на улицах, да это и не важно,—ответил он мне и, вскинув на плечи свой ящик, зашагал через улицу. Я последовал за ним.

Он привел меня в хороший сквер, и мы уселись.

Я стал говорить о России, которую он не видал уже 8 лет.

Он расспрашивал меня очень подробно, при чем задавал такие вопросы, которые меня убедили в том, что это весьма образованный человек.

-- Теперь, кажется, я достаточно рассказал вам о России и о наших русских делах. В свою очередь, и мне хотелось бы расспросить вас об Австралии, а если можно, то и о вас самих,—сказал я.

— Отчего же? С удовольствием,— ответил он.

— Прежде чем расспрашивать вас об Австралии, я хотел бы узнать, какую профессию имели вы в России?

— Служил во флоте морским офицером,— ответил он.

— Ну, теперь мне понятно, откуда вы знаете то, что знает не всякий чистильщик сапог, но мне еще больше непонятно, почему вы стали чистильщиком сапог, — сказал я.

— Как же вам на это ответить кратко? Сказать, что превратности судьбы толкнули меня на это, — пожалуй, не вполне будет точно, а рассказывать подробно, — неинтересно вам будет.

— О, я с большим удовольствием буду слушать хоть до самой ночи,— воскликнул я.

— Длинная это история! Начну лучше с того, как я прибыл сюда. Первая остановка была в Брисбене, и там я сразу окупился в трудовую жизнь.

Почти все, кто прибывает в Австралию, становятся, как говорят здесь, „на лопатку“.

Черную работу на фермах, огородах или железной дороге получить нетрудно.

Стал и я „на лопатку“ или, вернее, „на цапку“. Здесь работают всего 8—9 часов в день, но эти 8 часов стоят 10—12 часов работы в России.

Со мной было много русских, и все они говорили, что в России работать легче, чем здесь. И я думаю,—они правы.

Не одна жара здесь изнуряет: здесь из 8 часов работы стараются выжать больше двенадцати.

Один русский рабочий метко сказал, что в России работаешь—как с развальцем идешь, а здесь—без оглядки бежишь.

Здесь ни минуты не дают отдыха: закуришь—с работы долой.

Конечно, привыкшие к тяжелой работе в России тянут лямку и здесь, а я, белоручка, сразу сдал. Вижу, что не по мне эта работа, да и оплачивается она плохо.

Платят 4—5—6 шиллингов. По российским деньгам заработать три рубля в день

чернорабочему это очень много, но жизнь здесь дорога, и остается мало.

Ну, а ведь все сюда едут, чтобы разбогатеть, а когда же чернорабочий может разбогатеть?

Стал я переходить с одной работы на другую, а то и вовсе без работы оставался.

Встретился я с одним англичанином, и тот уговорил меня итти в лес кузу стрелять.

Кузу, или австралийский опоссум,—небольшой зверь. Ростом он меньше нашей лисицы. С хвостом, пожалуй, аршина полтора будет.

Колонисты зовут его австралийской лисицей, но он мало походит на лисицу и не так красив, как она. Кроме того, кузу живет на деревьях и лазит хоть и не быстро, а все же хорошо.

Кузу, как и все почти австралийские звери,—сумчатое животное, и самки их имеют сумки, в которых они вынашивают своих детей, пока те не окрепнут и не будут в состоянии держаться на спине у матери.

Питаются кузу листьями, плодами, не прочь полакомиться и птицами, если найдут

их во время своих ночных странствий. Разоряют и гнезда птичьи. Но все же я думаю, что они разбойничают мало. Уж очень они неповоротливы и вялы.

Меня удивляет, что кузу,—в сущности, плотоядные звери, а между тем они так медленны в движениях.

Взять нашу куницу, собаку или дикую кошку,—сколько в них порыва, быстроты, как неожиданны и стремительны их нападения!

А у кузу ничего этого нет... Ведь они во время лазания по деревьям пользуются еще цепким хвостом, и, тем не менее, не только дикарям, но даже и мне приходилось ловить их на деревьях.

— А чем вы объясняете такую медлительность кузу?—спросил я.

— Затрудняюсь сказать. Думаю, что они, как вообще все звери Австралии, не такие совершенные, как звери других стран.

Все сумчатые представляют как бы низшую породу, низший тип.

Кроме того, я думаю, что на медлительность кузу влияет и растительная пища.

На каком-нибудь 50—60-саженном эвкалиптусе целому десятку кузу на всю жизнь пищи хватает.

А готовая пища всегда порождает лень как у животных, так и у людей.

Отнимите у человека всякий труд, и даже он превратится в свинью.

А животное при легком добывании пищи не изощряет своих способностей, чувств, мышц. Умственные способности кузу очень ничтожны. Это — глупый, тупой зверь.

Кузу все-таки приходится иногда хватать птичек или маленьких зверьков, поэтому у него есть некоторая быстрота движений, но вот возьмите другого австралийского зверя — коала, который питается исключительно листьями, и тот еще более медлителен, чем кузу, пожалуй, еще глупее его. Листья никогда не уйдут, — зачем же нужна быстрота движения? Зачем тратить излишек энергии? Зачем изощрять свои умственные способности, чтобы добывать себе пищу, спасаться от врагов?

Врагов у кузу, кроме человека, почти нет. Крупных хищников, которые бы лазили

по деревьям, в Австралии не водится. Разве только зоркий глаз орла высмотрит спящего на ветках кузу,—тогда он пропал.

Но в пищу орлам кузу попадают, вероятно, редко.

Они прячутся хорошо, иногда залезают в дупло, а некоторые родственные им породы устраивают себе настоящее гнездо из веток, не хуже нашей белки.

В других частях света многочисленные враги сделали беззащитных зверьков быстроногими и такими прыткими, как, например, заяц, газель, а здесь спастись не от кого, да и лучшее средство спасения кузу—быть неподвижным.

В присутствии врага кузу свертывается под ветку и висит, не шевелясь, на хвосте.

Иногда это спасает его от охотников, в особенности от белых. У белых не такие острые глаза, как у чернокожих.

Кроме всего этого, думаю, что людей как белых, так и чернокожих нужно все же считать за случайных врагов кузу.

Предполагают, что чернокожие населили Австралию две-три тысячи лет тому назад, а белые начали селиться в ней лет сто тому назад.

Но чернокожие раньше мало охотились на кузу. Это было больше занятие подростков, которые не могли еще убивать кенгуру.

Теперь же, с изгнанием туземцев в самые пустынные места, дикари рады, когда убьют и кузу.

А пышная шкурка кузу возбудила жадность белых.

Шкурки кузу начали скупать и пускать в продажу под названием шкурки австралийского опоссума, а то и американского опоссума, хотя у того в Северной Америке, как у зверя более холодных мест, мех несравненно лучше.

За мех кузу платят различно, от 5-ти до 12-ти шиллингов.

Англичанин мой был вроде меня и пыхтел при тяжелой работе.

Вот мы и решили, что охота на кузу будет для нас выгоднее и легче, чем стоять „на лопатке“.

Мы рассчитывали, что по одному-то опоссуму мы будем добывать с ним в день.

А шкурка одного опоссума даст больше, чем целый день махать цапкой. Кроме того, в австралийских лесах, а особенно в северной части Квинсленда, много всяких других зверьков и птиц. Все они в цене. Человеку все нужно!

Расписал мне англичанин про свободную жизнь в лесах, без всяких надсмотрщиков, да погонщиков...

Кроме того, при хорошей добыче можно заработать много.

Потом, думали мы с ним, мы будем по лесам да по горам бродить,—может быть, золото найдем или драгоценные камни...

Пошел я с ним.

Нравилась мне лесная жизнь! Все было для меня ново. Эвкалиптусы, высотой до 60—70 сажень, очень интересны не только своей высотой; еще интереснее травяное дерево, или казуарина: у него листья тоненькие, как у травки, поэтому и называют его

Российская государственная 668841

детская библиотека

БИБЛИОТЕКА

Государственного музея

ДЕТСКОЙ КНИГИ

травяным деревом. Да, много там любопытных деревьев!

Так называемый север Австралии расположен ближе к экватору, и поэтому жара там сильнее, чем на юге Австралии, напр., в Мельбурне, Аделаиде. Они ближе к Южному Ледовитому океану, и тут климат напоминает климат южной Европы.

Здесь в июле, т.-е. зимой, бывает прохладно, а там, около Брисбена, мы даже палатки не имели. Купили только одеяла, в которые ночью заворачивались.

Ничего лишнего! Все добро свое на своих спинах таскали.

Вечером, бывало, разложим костер, поставим чайник, вскипятим воду, а если уьем кустовую курицу, то ее и с'едим.

Первые дни мы друг перед другом расхваливали свое свободное житье.

И, действительно, хорошо жить в австралийских лесах!

Только здесь я понял, как приятно каждое утро здороваться с солнцем, ожидать его живительных утренних лучей...

Я думаю, что половина болезней пропала бы у европейцев, если бы они вставали рано утром и пользовались бы утренними лучами солнца.

Пробуждение природы всегда вызывает пробуждение человеческих сил, и человек должен подчиняться ритму природы, а не идти ей наперекор и превращать ночь в день, а день в ночь.

За это природа и наказывает глупых, лишая их хорошего настроения духа.

Я сам любил поспать подольше, сидеть до полуночи... И был брезгой, как и все. А жизнь в лесах как будто бы влила мне новые силы...

Сначала я все вспоминал пружинные матрацы, а потом нашел, что на земле еще лучше и крепче спится, чем на постелях с мягкими тюфяками. Особенно, если найдешь сухой травы или листьев.

То же и с пищей: сначала мы все вспоминали разные закуски, сладости. Англичанин любил, по английскому обычаю, ва-

ренье с чаем по утрам... Всегда вспоминал о нем, а я и от сахара отвыкать стал.

Понемногу отвыкли мы и от хлеба и стали находить, что кулеш, или жидкая каша,—самое лучшее блюдо для нас.

— А зачем вы от хлеба стали отвыкать?— перебил я.

— Неудобно таскать его. Тяжел он и места много занимает.

Ведь на неделю или на две возьмешь его, а нам случалось и по три недели не видеть людей.

Рис лучше—горсть бросишь в воду, и двоим можно наесться. Жалел я, что гречневой крупы у нас не было, та еще лучше и спорее риса.

Отвык я там и от куренья табаку. Тоже табак таскать с собой показалось лишним, да и деньги зря тратить не стоит.

Иной раз лежишь на спине, смотришь на звезды и начинаешь думать; вот теперь я и пищи сладкой лишился, и вина, и пива, подушек и пружинных матрасов, не курю и людей не вижу...

А между тем моя жизнь как будто полнее еще стала.

— Как же это так?—думал я.—Люди работают до изнеможения и покоя и довольства не имеют, а ко мне все само пришло. Раньше во все стороны бросался, кажется, в самый ад готов был бы пойти, чтобы создать себе „приличную жизнь“, а теперь вижу, что совсем мне этого не нужно было.

— То-есть как?—воскликнул я.—Вы были вполне довольны вашей лесной жизнью?—удивился я.

— Вполне доволен,—не могу сказать, но в ней было очень много хорошего.

И самое хорошее заключалось в том, что я целые дни проводил в одиночестве.

А я, знаете ли, считаю, что человеку необходимо, хоть по временам, быть одному.

Теперь человек вертится на людях, как белка в колесе. Он одевает каждый день чистый воротничок и манжеты, но он никогда не думает о чистоте своих мыслей, ему нет времени взглянуть на себя самого. Ему некогда подумать, что он собой пред-

ставляет? К чему он стремится? Действительно ли нужны все эти условности для него? Нет ли здесь обмана?

— А как вы охотились на кузу?—перебил я его.

— Высматриваешь на деревьях или ночью слушаешь, где они кричат. Услышишь „гук-гук“, запомнишь, в какой стороне, и станешь выискивать на коре стволов, нет ли следов от когтей, или смотришь на деревья.

У эвкалиптусов ведь листьев мало, да и те поворачиваются всегда ребрами к солнцу.

При известном навыке можно заметить кузу или коалу, если они сидят на дереве. А убить их из ружья нетрудно. Хотя иногда, если кузу повиснет на хвосте, то даже мертвая может висеть по нескольку часов.

Тогда приходится стрелять в ветку, чтобы сломать ее, или же взлезать на дерево. Они очень живучи, и ни мне, ни англичанину ни разу не удалось убить кузу без того, чтобы не видеть его страданий...

— И что же, эта охота оправдала ваши ожидания? Вы заработали больше, чем на фермах?

— Пожалуй! Мы ведь убивали все, что попадется, не щадили ни птицу ни зверя.

Англичанин охотился гораздо удачнее меня, он всегда приносил что-либо.

— Сколько времени вы с ним провели в лесу?—задал я вновь вопрос.

— Около трех месяцев, — ответил чистильщик сапог.

— И какую же вы выгоду получили, в конце концов?

— В конечном счете англичанин заработал мало, а я приобрел целое богатство.

— То есть как?—воскликнул я. — По вашим словам выходило как раз наоборот. Раз англичанин больше убивал, то он и должен был больше получить!

— Не ко всему приложима арифметика!

Правда, англичанин имел гораздо больше шкурок, чем я, и выручил больше денег.

Эти деньги дали ему возможность прожить месяца полтора, ничего не делая, а

затем он опять пошел в лес, чтобы месяца через три—четыре вернуться в город и вновь растратить свой капитал.

Я же приобрел такой капитал, который за всю свою жизнь не растрочу.

Мне не нужно теперь итти в лес или искать такого занятия, которое принесло бы мне богатство.

Я окинул быстрым взглядом своего собеседника, его более чем скромный костюм, ящик с ваксой, мазями и щетками, и насмешливо произнес:

— Вам удалось найти золото или драгоценные камни?

— Пожалуй, можно сказать, что я нашел драгоценный камень,—серьезно ответил он мне, не замечая моей насмешки.

— А вы не расскажете, как это вышло?—спросил я.

— Отчего же! Из своей находки я не делаю секрета, а наоборот,—желаю, чтобы всякий искал подобное.

— В тех же самых местах?—воскликнул я.

— О да! Это можно найти только в одном месте.

— В каком?—спросил я.

— В самом себе,— ответил он просто и так же серьезно.

— Что за чудака я вижу перед собой?— пронеслось у меня в голове.

— Может быть, вы будете добры и укажете мне, как найти такое же нетленное богатство, как у вас?

— Я могу вам рассказать только, как я это нашел. Но каждый человек должен сам, своими усилиями добывать себе сокровище. Я уже говорил вам в самом начале, что мое образование ничем не выделяло меня из массы, которая каждый год вливается в Австралию с одним желанием нажить побольше денег.

В лесу, в постоянном одиночестве, в суровой, полной лишений жизни, я увидел, что эти лишения вовсе не так страшны, и боялся я их только потому, что мне было внушено воспитанием и средой, что для моего счастья

необходимо, чтобы я много проедал и пропивал...

Лесная жизнь открыла мне глаза на многое. Я узнал, что и простая пища очень вкусна, если иметь хороший аппетит; я узнал, что жизнь в каменных ящиках не может сравниться с жизнью на просторе, под потолком, украшенным звездами, со стенами из живой зелени и живых цветов...

Я увидел, что мне вовсе не нужно добывать много денег, чтобы жить так, как мне нравится.

Но я начал думать и о своем занятии и нашел, что я не могу продолжать его.

Я стал смотреть на лес, как на свой сад или даже как на нечто еще более дорогое и близкое для меня. Меня возродила природа, а я занимался тем, что каждый день разрушал ее красоту и убивал все живое.

Я просыпался с радостным чувством, улыбался солнышку, а засыпал с тяжелым, неприятным чувством преступника или палача...

Вечером, в то время, когда варился ужин, у нас начиналась отвратительная работа — снятие шкур с убитых нами зверьков и перьев с птиц...

В нос лез тяжелый запах сырого мяса, руки покрывались кровью, которую мы не всегда отмывали по недостатку воды.

Вместо красивого кокаду (попугая) появлялась вывороченная перьями внутрь шкурка и безобразный кусок мяса...

Мне становилось гадко за себя, за англичанина и за свое занятие...

Мне стало стыдно убивать, тяжело было переносить предсмертный взгляд животного и добивать его...

Зачем я убиваю? Какой смысл в этом? Неужели же затем, чтобы дать возможность какой-нибудь легкомысленной женщине украшать свою глупую голову перьями или мехом несчастного зверька?

Почему я стал заниматься таким кровавым делом? Только потому, что нахожу его легче и прибыльнее других.

Тогда лучше мне прямо сделаться пала-
чом—это еще выгоднее...

Эта мысль ударила меня, как обухом по
голове. Какая мерзость, какая мерзость!..

Как же это я решился строить свое
благо на убийстве животных? Англичанин —
человек необразованный, но отчего же я,
с моим воспитанием и образованием, ослеп?

И все это потому, что я, как и большин-
ство, видел благо жизни в еде, одежде и
жилище...

Я ушел из лесу. Я не смог убивать, но
я так же понял, что мне не нужно коверкать
свою жизнь ради накопления денег.

Я выбрал себе занятие, которое приносит
небольшой заработок, но дает мне много
свободы. А свобода мне важна для того,
чтобы я имел возможность жить духовной
жизнью.

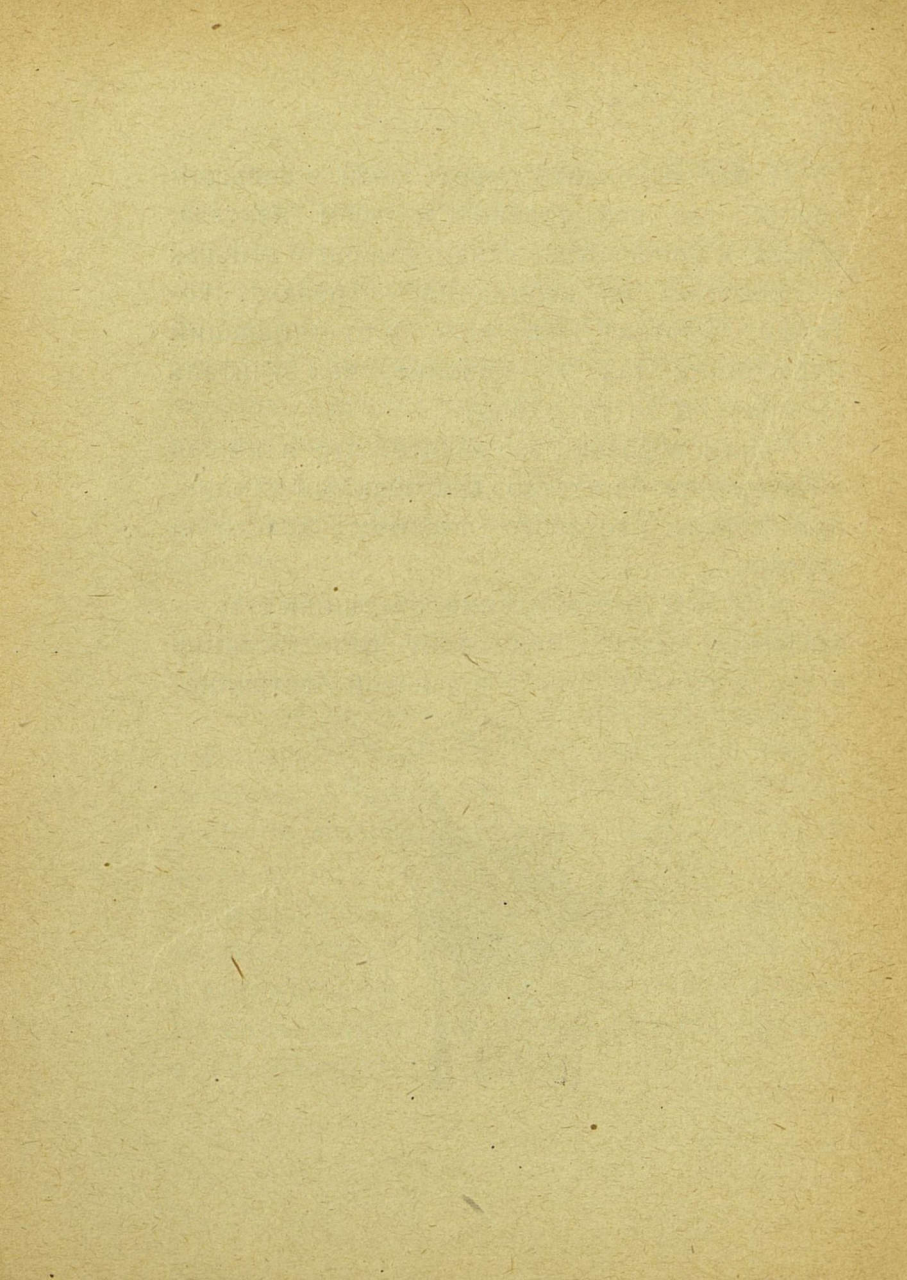
В Мельбурн я приехал слушать некоторых
профессоров по философии в университете
и заниматься в здешней библиотеке, которая
по справедливости считается самой лучшей
в Австралии.

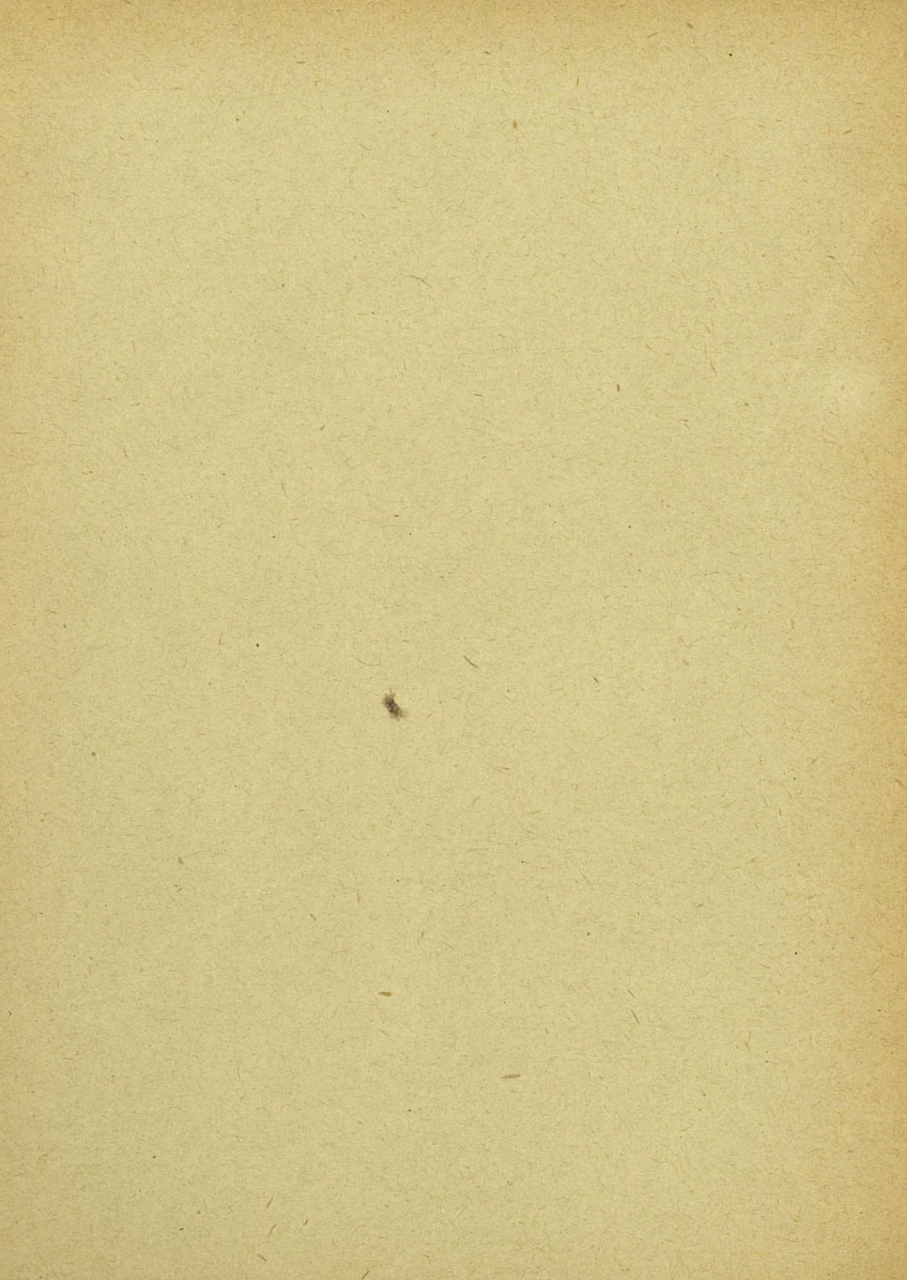
И вот вы видите перед собой в большом городе, где все торопятся, всем некогда, у всех в голове тревожная мысль о деньгах и средствах их добывания,—человека, который смотрит на весь этот кишачий муравейник так же покойно, как учитель смотрит на детскую игру.

Таким образом вы видите, что я нашел в Австралии богатство, драгоценный камень, при блеске которого тускнеет золото и серебро...

— И мое перерождение совершили кузу,— закончил чистильщик сапог повествование о своих приключениях в далекой Австралии.

100 =

b

ЦЕНА 10 коп.

Адрес издательства

Кузнецкий мост, 13. Тел. 4-82-73

Адрес магазина

Никольская, 12. Тел. 82-33

Центральный книжный склад

Лубянский пассаж, пом. 25—30

Тел. 3-45-04

29 июля 1942